

Д.С. Орлова, М.Ю. Еленова

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова

АКСИОЛОГИЯ СМЕРТИ В РОМАНЕ-ИДИЛЛИИ А.П. ЧУДАКОВА «ЛОЖИТСЯ МГЛА НА СТАРЫЕ СТУПЕНИ»

Статья посвящена анализу танатологического аспекта проблематики романа-идиллии А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» в контексте христианской аксиологии. Доказывается, что духовные поиски главного героя в этом направлении завершаются принятием философии христианства.

А.П. Чудаков, «Ложится мгла на старые ступени», тема смерти, танатология, художественная танатология, христианская аксиология.

А.П. Чудаков (1938–2005) – выдающийся филолог-литературовед, чеховед, автор более 200 научных работ. Роман-идиллия «Ложится мгла на старые ступени» (2001) – единственное художественное произведение этого автора. Роман является художественной автобиографией, в нем воплощены итоги нравственно-философских исканий писателя, и их центральным аспектом становится тема смерти. Неслучайно, что первоначальное название произведения было «Смерть деда» [11].

Значимость книги Чудакова как литературного явления подтверждается тем, что она была отмечена премией «Русский Букер десятилетия» (2011 г.), получила признание как в филологических кругах, так и среди широких читательских масс, выступает в качестве объекта исследования в работах многих литературоведов: Е.М. Гордеевой [2], Ю.В. Доманского [3], Э.Ф. Шафранской [10] и др. Несмотря на всеми признанную содержательную глубину и художественную ценность произведения, на данный момент оно представляется недостаточно изученным. В частности, танатологическая проблематика романа-идиллии не получила в науке о литературе всестороннего осмысления, что обуславливает актуальность нашего исследования. Новизна работы определяется рассмотрением проблемы конечности земного бытия человека в соотношении с ценностным дискурсом христианства.

С осознанием смерти как неотъемлемой части бытия человека в любую историческую эпоху связаны наиболее мучительные духовные искания главного героя – Антона Стремоухова. Их разрешение через принятие персонажем философии деда Леонида Львовича Саввина – ценностной системы православного учения – знаменует финал романа. Цель статьи – осмыслить танатологическую проблематику в системе христианской аксиологии в романе А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» в ее художественном воплощении. В статье последовательно прослеживаются основные этапы духовных исканий главного героя, связанных с проблемой смерти, начиная от идеи родовой преемственности как способа противостояния всепоглощающей бездне небытия и завершая

обретением христианского понимания человеческой смерти через праведную кончину деда. Подобное построение статьи обусловлено композиционной структурой романа и логикой движения авторской мысли.

Экзистенциальный аспект хорового начала. Старинная русская песня на стихи И. Козлова и музыки А. Алябьева «Вечерний звон» становится в контексте романа лейтмотивным образом, утверждающим христианские ценности – важность семьи, ухода одного ее поколения и заступления на его место нового. В семье Антона эту песню поют хором. В один из вечеров дед, чтобы показать, как произведение некогда исполнял объединенный семинарский хор с восемью невероятными басами-профундо, вдруг стал вторить *низко и сильно*: «Дон!дон!» [9, с. 236]. В последней главе вновь начинает звучать музыкальная тема песни. Ее исполняют уже после смерти деда – сначала только без него, а потом остаются лишь Антон и его мать: *Было нас девятiero. И все они умерли. Осталась я, последняя из дедовой фамилии. А потом, – повела она своим чистым высоким голосом, – «И уж не я, а будет он В раздумье петь “Вечерний звон”!» Ты будешь петь. Один* (Там же, с. 498). «Вечерний звон» становится символом невозвратных потерь, постепенного вымирания семьи, знаменем неминуемого будущего одиночества Антона, но в то же время песенная – родственная связь не прервется: мать Антона осталась единственная из семейства Саввиных, пропела музыкальную фразу песни, ее место заступит сын, он будет петь «Вечерний звон». Смерть не разрушает родовую преемственность, которая выражается и в песенной эстафете. Семейные узы, смена поколений предстают как воплощение жизненной силы, побеждающей смертную энтропию.

Эффект негативизма. Карнавальная мортальность. Христианские ценности относительно темы смерти утверждаются автором и методом «от противного». Таким образом показана смерть учителя географии, «веселого выпивохи» Предплужникова. Перепившись на охоте, он умер, задохнувшись собственными рвотными массами. Смерть обыгрывается как трагифарс в сцене торжественных похорон героя.

На гражданской панихиде Пётр Андреич, по такому случаю принявший уже с утра, произнёс речь: покойный брал Берлин, был прекрасный педагог, надёжный товарищ, с ним было хорошо работать, хорошо разговаривать, хорошо сидеть за столом.

– И жил красиво, – возвысил голос директор, – и...

Все замерли. Мне казалось, я слышу, как у всех в голове стучит одна и та же мысль: как закончить? Потому что по всем правилам риторики надо было завершить: «И умер красиво», что про человека, захлебнувшегося в собственной блевотине, сказать было уж нельзя никак. Пётр Андреич замолчал, затравленно огляделся и, пробормотав: «И мня-мня-мня», махнул рукой и отошёл от гроба [9, с. 170]. Таинство конца земного существования человека профанируется, налицо, говоря словами М.М. Бахтина, «карнавальный мезальянс», «фамильярный контакт» с возвышенным с целью его снижения и осмеяния [1].

Однако в этом эпизоде осмеивается не сама смерть как таковая, а ее антихристианский образ, позорящий человеческое достоинство, ее крайняя низменность. Характер исхода этого персонажа становится логическим результатом его образа жизни. Карнавальное начало обретает новое качество: профанирование образа кончины предстает не как отрицание высокого, не как аннигиляция нравственных принципов и упоение снижением прежде недостижимого или уничтожение иерархии, а как утверждение аксиологической системы, основанной на незыблемом фундаменте христианских истин.

Смертный грех уныния и трансцендентальная катастрофа. Еще один герой романа, в образе жизни и в смерти которого можно увидеть несоответствие христианским установкам, – музыкант Серов. Он глубоко подавлен своей судьбой изгнанника, не видя возможности когда-либо обрести свободу не только от гнета обстоятельств, но и духовную свободу при существующей государственной системе. Леонид Львович замечает тяжелое состояние души Серова: ...он посмотрел на меня и сказал... что один из самых больших грехов – грех уныния. «Смеяться-веселиться?» – сказал я, может, несколько раздражённо. «Православное духовное веселье не в смехе, – ласково сказал он, – но в житии с улыбкою» [9, с. 141].

Вновь применяется единственно верная ценностная система: понятия хамартиологии – православного учения о смертных грехах и их последствиях. Уныние в святоотеческих творениях понимается как один из восьми смертных грехов, так как свидетельствует о маловерии, отсутствии смирения и ведет человека к духовной смерти и очень часто – к физической. Уныние преподобный Иоанн Лествичник называет *всепоражающей смертью* [7]. Интересно, что святой Иоанн Кассиан Римлянин сопоставляет грех уныния с праздностью [6]. И Серов в своих письмах с удивлением говорит о трудах семьи Саввиных – Стремоуховых, члены которой своими руками делают все необходимое, а себя оценивает как неспособного к подобным трудам. Невольная праздность усугубляет его душевное томление.

В письмах он часто сообщает о своем желании смерти, стремлении поскорее покинуть этот свет. И скорая смерть уносит этого человека, не сумевшего

победить греховную страсть уныния, приведшую его к отчаянию и полному разочарованию в жизни: В конце войны к нему приехала какая-то женщина, но очень скоро умерла. Буквально следом умер и он, поговаривали о самоубийстве [9, с. 138]. В системе христианской антропологии самоубийство предстает как метафизическая катастрофа, это не просто смерть физического тела, а вечная духовная смерть.

Пути духовного поиска. Томление о смерти другого как паратанатологический феномен. Окончательным утверждением системы религиозных координат как единственного способа решения проблемы смерти становится заключительная глава романа, в которой описываются целенаправленные духовные поиски главного героя в этом направлении и их исход. С определенного момента Антона вдруг стала остро задевать безвременная смерть гениев – Пушкина и Моцарта, поражать несделанное ими. Этот вопрос приобретает метафизическую глубину, терзания Антона можно охарактеризовать как богоборчество и богоискательство одновременно. В беседе с другом Юриком Ганецким он взволнованно рассуждает о Моцарте: Он написал больше великого Верди, пережившего его на пятьдесят лет! <...> И было решено, что допустить этого нельзя. – Кем? – Тем, кто решает всё. Если б Моцарт прожил ещё даже не пятьдесят лет, а половину этого срока, он стал бы равен Ему. И он умер. «Тут ему Бог позавидовал – жизнь оборвалась». Безвременная смерть только этих двух никогда полностью не примирит меня с Ним (Там же, с. 486). Очевидно, что существование Бога для героя – бесспорный факт, Бог решает все, Он Промыслитель, в Его деснице времена и сроки. Именно по Его воле прервалась на взлете жизнь Моцарта, погиб Пушкин. Далее Антон делает странный вывод о том, что, прожив долгую жизнь, композитор стал бы равен Богу. Творец в сознании героя приобретает антропоморфные черты: способность к негативным чувствам по отношению к человеку, лишается атрибутов Божества – вседозволения (всеблаженства), абсолютной истинности, то есть невозможности для Бога лгать и быть несправедливым и абсолютной святости.

Затем Антона начинает волновать не только ранний уход из жизни гениев, но и неминуемость ухода каждого человека. Тленность человеческого рода превращает мир в сознании героя в вихревое движение абсурда, скоротечная жизнь обесмыслилась, Антона охватывает отчаяние. Острота метафизического поиска свидетельствует о духовной глубине героя, который не может довольствоваться бездумным существованием обывателя, он должен для себя решить проблему смерти. Поэтому все доводы его друга Юрика Ганецкого о том, что смерть – это естественный закон природы, что умереть вовремя – благо, не убеждают Антона. Позиция Юрика лишена трансцендентной полноты, это взгляд атеиста, не ожидающего ничего после момента смерти. И состояние Антона он понимает плоско и поверхностно, ведь речь идет не только о близких для героя людях, напротив, сердце Антона расширено, он скорбит о горькой судьбе всего человечества, обреченного ниспасть в смертную бездну. Отвечая на обвинение Юрика в эгоизме: Ты, в сущности тоскуешь о том, что скоро не останется

никого, с кем бы ты мог говорить о своих любимых девяностых, о золотом веке [9, с. 489–490], Антон замечает про себя: *Жаль было уже умерших всех* (Там же, с. 487).

В борьбе с всепоглощающей смертью Антон пытается искать успокоение в том, что остается от человека: литературных произведениях, как после Пушкина, или объявлениях в газете, как после обывателей – зубных врачей, кухарок и портных. Однако понимает иллюзорность и условность подобного утешения.

Неудовлетворенный такими сомнительными успокоительными мыслями на новом этапе духовного поиска герой ищет разрешения проблемы смерти в философских штудиях, обращается к труду рубежа XIX–XX веков оригинального русского мыслителя-космиста Н.Ф. Федорова «Философия общего дела». В утопии Федорова речь идет о построении земного рая через воскрешение с помощью науки всех предков. Философ признает библейское понимание греха как источника и причины смертности человеческого рода, но искупление видит не в покаянии, а в победе над механической силой природы, то есть над смертью [8]. Очевидно, что и этот взгляд на обозначенную проблему – разновидность материалистического понимания бессмертия.

Поначалу Антон потрясен учением Федорова, однако оказывается неспособным даже ясно изложить идеи мыслителя, что обусловлено характером книги, полной ни на чем не основанных фантазий. Это понимает Ганецкий: *Тут какая-то несоединимая смесь религии и позитивизма. Духовное воскресение в церковном смысле – это я понимаю. Но он, кажется, хочет воскресить и материальную оболочку, самые тела? Извини, но мне это напоминает гоголевскую Коробочку: «Ты что, будешь их из земли выкапывать?»* [9, с. 490]. Увлечение Антона танатологической утопией Федорова проходит бесследно. Герой осознает ее противоречивость и абсолютную неисполнимость.

Смерть деда. Небесные планы бессмертия. Путь героя от неприятия смерти к христианской имморталогии. Воспитание, которое Антон получил в своей православной семье, воспитание, данное дедом-христианином, и смерть деда определили исход его исканий и понимание сущности и значения смерти в аксиологической структуре христианства. Как отмечает Р.Л. Красильников, *мотив смерти всегда что-то завершает* [4, с. 92]. В данном аспекте он завершает путь напряженных метафизических исканий Антона Стремоухова.

Следует отметить, что все повествование пронизано иронией и юмором, в частности, легкие иронические интонации звучат и при описании дорогих главному герою людей, например его бабки (глава «Воспитанница института благородных девиц»). Но ирония никогда не касается деда Леонида Львовича. Антон с волнением и скорбью смотрит на тяжелое физическое состояние и кончину деда. Последняя глава начинается с важнейшего факта – дед умер на Страстной седмице накануне Пасхи, что было его заветным желанием, которое он открыл Антону незадолго до своей кончины: *В последний приезд Антона сказал: умереть под Пасху, в Великую неделю* [9,

с. 485]. Существует церковно-народное предание о смерти на Пасху как о мистическом знаке Божия благоволения к умершему и как о свидетельстве спасения его души.

Подобные случаи описываются в святоотеческих трудах, в православной литературе. Известный православный писатель рубежа XIX–XX веков С.А. Нилус сообщает о смерти благочестивой женщины Елены Андреевны Вороновой, занимавшейся широкой благотворительной деятельностью в тюрьмах. В предсмертных страданиях в Великий понедельник Страстной недели она объявила близким, что умрет в Страстную пятницу, и рассказала о бывшем ей видении Христа: *Мне это Сам Господь сказал: я Его видела. Он явился мне и сказал: «У тебя доброе сердце, так потерпи до пятницы: в день Моего распятия умрешь и ты»* [5, с. 35]. И далее Нилус комментирует: *Как сказала, так в Великую Пятницу и умерла. В день крестных страданий Своих и смерти крестной Господь по обещанию Своему взял нашу праведницу в Свои вечные обители <...> удостоилась чести в страданиях и смерти своего Спасителя и Господа и, стало быть, в Его Воскресении* (Там же, с. 35–36). Смерть на Страстной седмице и на Пасху понимается как сопричастность крестным страданиям и Воскресению Христа. Именно поэтому сокровенным желанием глубоко верующего Леонида Саввина становится умереть в Великую неделю – неделю крестных мук.

Разбор одежды после смерти деда открыл его поразительный аскетизм, личную скромность, равнодушие к вещам: *И это вся его одёжа? – потрогала мешок Ира. – Кабы все носили вещи так долго, не надо было бы создавать новые текстильные фабрики* [9, с. 492].

Перед кончиной он просит прощения у жены за то, что не сумел сделать ее жизнь легкой и счастливой. Обвиняет себя в грехе непросщения тех, кто разрушил прежнюю Россию.

После смерти деда Антон вспомнил его слова о бессмертии души: *Дед говорил: вещи живут долго, дольше человека. Но у него есть вечная душа* (Там же). А в уцелевшем листке из записной книжки Леонида Львовича прочитал строки, которые свидетельствовали о его вере в возможность общения умерших с живущими: *...душа моя будет смотреть на вас оттуда, а вы, кого я любил, будете пить чай на нашей веранде, разговаривать, передавать чашку или хлеб простыми, земными движениями; вы станете уже иными – взрослее, старше, старее. У вас будет другая жизнь, жизнь без меня; я буду глядеть и думать: помните ли вы меня, самые дорогие мои?..* (Там же).

Дед Антона был наделен и даром прозрения будущего. Он предрек внуку возвращение русского народа к православию и даже указал примерные сроки духовного возрождения России, его качества: *Я не увижу, ты – возможно, дочь твоя увидит наверное. Но какова она будет, эта вера? Ведь вера – не лоб перекрестить в храме на Пасху или Рождество. Это исповедь, молитва, пост, жизнь по нашему православному календарю. Воцерковление идет веками и годами, начинается с младенчества, с семьи* (Там же, с. 496).

И, наконец, дед завершил свою жизнь, как подобает христианину, в благоговейном безмолвии, погружившись в глубины собственной души, готовясь к встрече с Богом. Перед кончиной он вспоминает строку из стихотворения Н.А. Некрасова: *Немота перед кончиною подобает христианину* [9, с. 500].

Истинно христианская смерть деда с покаянием, испрашиванием прощения у близких, молитвенной подготовкой к Божьему суду дала духовные плоды: покаяние и примирение его внука с Богом. На могиле деда Антон горько раскаивается в своих спорах с ним, мучительно стыдится за то, что, послав ему просимые деньги, недоумевал, зачем деду деньги в таком возрасте. Смерть для Антона теперь – не ужас безысходности, а путь в небесные кривы, со смертью деда, которая приобрела черты кончины праведника, завершаются духовные колебания его любимого внука. Смерть обретает свой ценностный статус в новой, а на самом деле прежней дедовой метафизической модели – христианской системе координат, в которой кончина – это переход бессмертной души в «объятия Отца», на лоно небесного Отца.

Выводы. Авторское определение жанра – роман-идиллия. И самое важное – крепость семьи и духовная и жизненная мощь ее главы, деда Леонида Львовича, преемственность поколений – покоится на фундаменте христианского учения, которое Саввин-старший понимает как единственно возможный путь жизни. В связи с этим открывается одна из ипостасей идилличности в романе – твердая и несокрушимая аксиологическая система, система духовно-нравственных принципов христианства. Традиционный идиллический сюжетный ход европейской литературы – скиталец обретает семью – получает символическое воплощение в произведении Чудакова: внук Антон после долгих и мучительных исканий обретает дедово мировоззрение, подхватывает не только музыкальную фразу «Вечернего звона», но приемлет важнейшее основание православной веры – веру в бессмертие души, понятия греха, покаяния, пути спасения.

Литература

1. Бахтин, М. М. Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – Москва : Художественная литература, 1990. – 543 с.
2. Гордеева, Е. М. Роман-идиллия А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» как современная робинзонада / Е. М. Гордеева // Вестник ЛГУ имени А. С. Пушкина. – 2015. – Т. 1, № 3. – С. 38–46.
3. Доманский, Ю. В. Некоторые особенности художественного мира романа «Ложится мгла на старые ступени» Александра Чудакова / Ю. В. Доманский // Новый филологический вестник. – 2019. – № 1 (48). – С. 230–237.
4. Красильников, Р. Л. Танатологические мотивы в художественной литературе (Введение в литературоведческую танатологию) / Р. Л. Красильников – Москва : Языки славянской культуры, 2015. – 488 с.
5. Нилус, С. А. На берегу Божьей реки / С. А. Нилус. – Москва : Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. – Ч. 2. – 202 с.
6. Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. Добролюбие / преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. – Т. II. – URL : https://azbyka.ru/otechnik/prochee/dobrotoljubie_tom_2/6#source (дата обращения : 08.07.2024). – Текст : электронный.
7. Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица или Скрижали духовные / преподобный Иоанн Лествичник. – URL : https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Lestvichnik/lestvitsa-ili-skrizhali-dukhovnye/#source (дата обращения : 08.07.2024). – Текст : электронный.
8. Федоров, Н. Ф. Философия общего дела / Н. Ф. Федоров. – Москва : Эксмо, 2008. – 750 с.
9. Чудаков, А. П. Ложится мгла на старые ступени / А. П. Чудаков. – Москва : Время, 2022. – 640 с.
10. Шафранская, Э. Ф. Роман А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» в аспекте филологической антропологии / Э. Ф. Шафранская // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социологические науки. – 2017. – № 4. – С. 140–147.
11. Яранцев, В. Лабиринты и отражения – 5 / В. Яранцев // Сибирские огни. – 2013. – № 1. – URL: <https://magazines.gorky.media/sib/2013/1/labirinty-i-otrazheniya-8212-5.html> (дата обращения: 17.07.2024) – Текст : электронный.

D.S. Orlova, M.Y. Yelepova

AXIOLOGY OF DEATH IN THE NOVEL-IDYLL BY A.P. CHUDAKOV “A GLOOM DESCENDS UPON THE ANCIENT STEPS”

This article studies thanatological aspect of problematics of A.P. Chudakov's novel “A Gloom Descends Upon the Ancient Steps” in the context of Christian axiology. It is concluded that the main character's spiritual quest has ended with accepting Christian philosophy.

A.P. Chudakov, “A Gloom Descends Upon the Ancient Steps”, death, thanatology, thanatology in literary study, Christian axiology.